

МИФ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ*

Мюррей РОТБАРД

Ойкономіа • Політика

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Я очень рад тому, что доктор Марио Риццо в четвертой главе [работы «Время, неопределенность и неравновесие»] подвергает серьезному сомнению хваленое понятие «эффективности». Мне хотелось бы шире развернуть его критику.

Один из основных аргументов Риццо состоит в том, что понятие эффективности не имеет смысла вне контекста преследования специфических целей. Но он делает слишком большую уступку, утверждая, что «разумеется, оно [общее право] является эффективным» в отношении достижения определенных целей. На деле, на нескольких уровнях присутствуют серьезные противоречия, касающиеся самого понятия эффективности в приложении к социальным институтам или установкам: 1) вопрос не только в том, чтобы определить цели, но и в том, чтобы решить, *чи* цели нужно преследовать; 2) частные цели непременно будут конфликтовать между собой, а потому любое аддитивное понятие социальной эффективности окажется бессмысленным; 3) даже действия каждого отдельного индивида не могут считаться «эффективными», точнее они наверняка таковыми не будут. Следовательно, эффективность является ошибочным понятием даже в приложении к действиям каждого отдельного индивида, направленным на достижение его собственных целей; и еще бессмысленнее это понятие в том случае, если речь идет о более чем одном индивиде, тем паче — об обществе в целом.

Возьмем для примера какого-либо индивида. Поскольку его собст-

* *Rotbard M. The Myth Of Efficiency // Time, Uncertainty, and Disequilibrium / M. Rizzo (ed.). Lexington, Mass: DC. Heath, 1979. P. 90—95.*

венные цели четко поставлены и он направляет свои действия на их достижение, то наверняка как минимум *его* собственные действия можно считать эффективными. Но на деле так не получается, поскольку для того, чтобы индивид мог эффективно действовать, ему необходимо обладать совершенным знанием — совершенным знанием наилучшей технологии, предвидением предстоящих действий и реакций других людей и будущих природных явлений. А поскольку ни один человек не может располагать совершенными знаниями о будущем, ничьи действия не могут быть названы «эффективными». Мы живем в мире неопределенности. А значит эффективность — не более чем химера.

Иными словами, действие — это процесс обучения. По мере того как индивид действует, преследуя свои цели, он учится и становится более знающим в отношении достижения этих целей. Но в таком случае, конечно, его действия никак не могли быть эффективными с самого начала — собственно, даже и в конце, — поскольку совершенное знание является недостижимым идеалом, всегда оставляя горизонт для познания нового.

Более того, цели индивида *на самом деле* не являются заданными, поскольку нет оснований полагать, что они конкретно поставлены раз и навсегда. По мере того как индивид узнает больше о мире, о природе и о других людях, его ценности и цели с неизбежностью меняются. Цели индивида будут меняться по мере того, как он учится у других людей, а также по чистой случайности и его прихоти. Но если цели меняются по ходу действия, то понятие эффективности — которое можно определить лишь как наилучшую комбинацию средств для достижения определенных целей, — вновь обесмысливается.

Если понятие эффективности оказывается бесполезным даже в приложении к действиям отдельных индивидов, оно *a fortiori* бесполезно, когда экономист применяет его аддитивно для всего общества. Риццо весьма мягко обращается с этим понятием, когда говорит, что оно сводится «не более чем к максимизации валового национального продукта» и «немедленно разрушается, едва только в систему вводятся внешние параметры». На самом деле проблема значительно глубже. Ведь эффективность имеет смысл только в отношении целей человека, а цели разных людей различаются, сталкиваются и конфликтуют друг с другом. И тогда основным вопросом политики становится следующий: *чьи* цели должны выйти на первый план?

Слепота экономической мысли в отношении реалий мира есть явление систематическое, продукт утилитаристской философии, доминировавшей в экономике полтора столетия. С точки зрения утилитаризма цели всех и каждого *на самом деле* одни и те же, а потому все социальные конфликты — вопрос технический и прагматический, который может быть разрешен, как только будут найдены и приняты подходящие средства для реализации общих целей. Именно миф об общей и единой цели позволяет экономистам верить в то, что они могут «научно» и якобы свободно от ценностей задать предписания для принятия политических решений. Принимая эту якобы общую и единую цель как несомненно данное, экономист позволяет себе впасть в заблуждение и поверить в то, что он не выступает как моралист, но действует как совершенно свободный от ценностей и технически ориентированный профессионал.

Принимаемая якобы общая цель состоит в достижении более высокого уровня жизни, или, как формулирует это Риццо, в максимизации валового национального продукта. Но предположим, что часть желанного для одного или нескольких индивидов «продукта» будет рассматривать-

ся другими людьми как явный ущерб. Рассмотрим два примера, которые было бы сложно отнести к мягко сформулированной категории «экстерналий». Предположим, что некоторые индивиды преследуют в качестве высокозначимой и желанной цели достижение принудительного равенства или единообразия для всех людей, включая одинаковые жилищные условия и принудительное ношение одинаковых бесформенных синих роб. Однако те индивиды, которые не желают принудительного уравнивания или схождения со всеми остальными, столь желанную для всех эгалитаристов цель будут считать значительным ухудшением ситуации. Другой пример конфликта целей и столкновения значений, связываемых с понятием «продукта», — стремление индивида или группы людей к порабощению либо к уничтожению этнической или иной четко определенной социальной группы. Совершенно ясно, что достижение желанного продукта будущими угнетателями или убийцами будет рассматриваться как негативный результат или значительный ущерб со стороны потенциально угнетенной группы. Вероятно, данный пример можно втиснуть в рамки проблемы экстерналий, если рассматривать нежелательную социальную или этническую группу в качестве «визуальной помехи», негативной экстерналии для других групп и считать, что эти внешние «издержки» могут быть (должны быть?) интернализированы путем принуждения выбивающейся из общего ряда группы к уплате другим группам компенсации, достаточной, чтобы убедить их пощадить жизни изгоев. Однако возникает закономерный вопрос: насколько экономист желает минимизировать социальные издержки и будет ли это предлагаемое решение действительно «ценностно-нейтральным».

Более того, в подобных случаях конфликта целей «эффективность» одной группы оборачивается ущербом для другой. Сторонники программы действий — либо принудительного уравнивания, либо уничтожения определенной социальной группы — захотят наиболее эффективной реализации своих предложений, в то время как угнетаемая группа будет надеяться на возможно *менее* эффективное осуществление ненавистной ей цели. Эффективность, как указывает Риццо, может быть осмысленна только в отношении конкретной цели. Но если цели сталкиваются, оппозиционная группа будет выступать за *наименьшую* эффективность в достижении нежелательной для нее цели. Таким образом, эффективность никогда не сможет выступить утилитаристским критерием для оценки закона или государственной политики.

Наши примеры столкновения целей приводят нас далее к вопросу минимизации социальных издержек. Первым будет поднят вопрос о том, почему *следует* минимизировать социальные издержки? Или, иначе, почему *следует* интернализировать экстерналии? Ответы отнюдь не самоочевидны, и все же эти вопросы никогда всерьез не ставились, а тем более не получали ответа. И здесь возникает логически вытекающий из предыдущих вопрос: даже при наличии цели минимизации издержек (примем в интересах спора, что это так) должна ли эта цель считаться абсолютной или она должна быть подчиненной (и тогда — в какой мере) другим целям? И каковы аргументы в пользу возможных ответов?

Во-первых, утверждение *необходимости* минимизации социальных издержек, или *необходимости* интернализации внешних издержек, не свидетельствует о позиции технической или свободной от ценностей. Само использование слова *необходимость*, сам переход в позицию определения политики с неизбежностью превращают эту позицию в этическую, требующую, самое меньшее, этического обоснования.

И во-вторых, даже если (допустим в интересах спора, что это так) мы признаем такую цель, как минимизация социальных издержек, экономисту все же придется решать проблему, насколько абсолютной следует признать эту цель. Считать минимизацию издержек абсолютной или как минимум наиболее ценностно значимой целью означает скатиться на позицию, которую приверженные сопоставлению издержек и выгод экономисты презирают, когда ее занимают моралисты, а именно: рассматривать равенство или права, невзирая на издержки и выгоды. И каково же их оправдание для такого абсолютизма?

В-третьих, даже при игнорировании двух предыдущих проблем в самом понятии «социальных издержек», или издержек, относимых к более чем одному человеку, содержится серьезное противоречие. С одной стороны, когда цели сталкиваются и продукт для одного человека оборачивается ущербом для другого, издержки, понесенные этими двумя индивидами, нельзя складывать. А с другой стороны, что много важнее, издержки, как показывала в течение века австрийская школа экономики, являются вещью субъективной, зависимой от индивида, а потому неизмеримы количественно, и тем более не аддитивны и не сравнимы для различных индивидов. Однако если издержки, как и выгоды, субъективны, неаддитивны и несравнимы, то, очевидно, становится бессмысленным любое понятие социальных издержек. И третье: даже в отношении одного индивида издержки не объективны и не наблюдаемы извне. Ведь издержки для индивида являются величиной субъективной и эфемерной, они возникают только *ex ante*, непосредственно перед принятием индивидом решения. Издержки любого индивидуального выбора оцениваются им субъективно как наибольшая ценность, утрачиваемая при сделанном выборе. Ведь каждый индивид старается при каждом акте выбора достичь целей наиболее высокого ранга; при этом он отвергает или приносит в жертву другие, менее значимые из тех, что были бы возможны при имеющихся ресурсах. Издержки для него равняются второй по значению цели, то есть ценности той цели, которую он отверг ради достижения цели еще более высокого ранга. Издержки, которые он несет, принимая решение, появляются, таким образом, исключительно *ex ante*; как только решение принято и выбор сделан, а ресурсы распределены, издержки исчезают. Они превращаются в исторические издержки, навечно ушедшие. И поскольку извне невозможно исследовать после или даже во время события ментальные процессы актора, то внешний наблюдатель не сможет даже в общих чертах определить, каковы могут быть издержки каждого из решений.

Значительное место в главе 4 [работы «Время, неопределенность и неравновесие»] отведено великолепному анализу, демонстрирующему, что понятие объективных социальных издержек не имеет смысла вне идеи всеобщего равновесия и что такое равновесие невозможно, и в любом случае мы никогда не смогли бы определить его наличие. Риццо указывает, что, поскольку неустойчивость с необходимостью подразумевает расходящиеся и несогласующиеся ожидания, нельзя просто заявить, что эти разные цены дают приближенное равновесие, ведь существует серьезное различие в их природе и природе совместимых равновесных цен. Риццо также указывает, что нет точки отсчета, которая позволила бы нам судить, насколько существующие цены приближены к равновесию. Я просто подчеркну здесь его точку зрения и сделаю несколько комментариев. К его утверждению о том, что деликтное право окажется ненужным при общем равновесии, я бы добавил, что деликты сами по себе невозможны в такой ситуации. Поскольку

одной из характеристик общего равновесия является определенность и совершенное знание будущего, то, вероятно, при таком совершенном знании любые случайности исключены. Даже преднамеренный деликт невозможен, поскольку совершенно предсказуемый деликт может быть легко предотвращен самой жертвой.

Этот комментарий имеет отношение к другому замечанию, которое я хочу сделать в отношении общего равновесия; такого равновесия не только никогда не существовало и оно не является рабочим понятием, но его и не может существовать, даже в вероятностном залоге. Ведь мы не можем действительно представить себе мир, в котором у каждого человека было бы совершенное предвидение и где никакие данные никогда не менялись бы; более того, состояние общего равновесия внутренне противоречиво, человек ведет денежные балансы из-за неопределенности будущего, и, стало быть, потребность в деньгах упадет до нуля в таком мире общего равновесия с совершенной определенностью. Таким образом, денежная экономика, наконец, не может существовать в условиях общего равновесия.

Я бы также присоединился к критическим замечаниям Риццо в отношении попыток использования теории объективной вероятности в качестве способа сведения реального мира неопределенности к эквивалентам определенности. В реальном мире человеческого действия практически все исторические события являются уникальными и гетерогенными в отношении всех других исторических событий, хотя часто и сходными с ними. Поскольку каждое событие уникально и невозпроизводимо, применение теории объективной вероятности недопустимо; ожидания и предвидение становятся делом субъективной оценки будущих событий, оценки, которая не может быть редуцирована до объективной, или «научной», формулы. Назвав два события одним именем, мы не сделаем их гомогенными. Таким образом, две президентские избирательные кампании могут называться одинаково — «выборы президента» — но они, тем не менее, будут очень разными, гетерогенными и непредсказуемыми событиями, каждое из которых происходит в иных исторических условиях. Не случайно социологи, которые отстаивают возможность использования вычисления объективной вероятности, почти неизменно приводят пример лотереи, поскольку лотерея является одной из немногих ситуаций в человеческом обществе, где результаты действительно гомогенны и воспроизводимы и, более того, где события являются случайными и ни одно из них никак не влияет на последующие события.

В таком случае не только «эффективность» является мифом, но к таковым относится и любое понятие социальных или аддитивных издержек и даже объективно определяемых издержек для каждого индивида. Но если издержки индивидуальны, эфемерны и исключительно субъективны, то никакие практические выводы, включая выводы о законе, не могут выводиться из такого понятия или использовать его. Невозможно проведение корректного или значимого анализа соотношения издержек и затрат в отношении политических или правовых решений учреждений.

Давайте теперь рассмотрим более внимательно обсуждение Риццо права и отношения права к эффективности и социальным издержкам. Его критику экономистов, пользующихся термином «эффективность», можно сделать еще более острой. Возьмем, к примеру, подход Риццо к дискуссии о добрых самаритянах. В его постановке проблемы предполагается, что Б может спасти А «при минимальных для себя издержках», из этого он заключает, что, с точки зрения теоретиков эффективности, Б можно осудить за нанесение

ущерба А, если Б не спасает А. Однако эффективностный подход ставит еще больше вопросов. Прежде всего имеет место характерная путаница между монетарными и психическими издержками. Поскольку издержки Б в данном примере имеют исключительно психическое выражение, то как может в суде кто-либо, кроме самого Б, сказать, какие издержки навлек бы он на себя? Предположим в самом деле, что Б — хороший пловец и мог бы легко спасти А, но А, так случилось, оказался его заклятым врагом, поэтому психические издержки Б при спасении А окажутся очень велики. Смысл здесь в том, что любая оценка затрат Б может быть проведена только в терминах собственных ценностей Б и что ни один сторонний наблюдатель не может о них знать¹. Более того, когда теоретики эффективности подкрепляют свои аргументы словами Риццо, «ясно, что ...А согласен был бы заплатить Б сполна, чтобы компенсировать его затраты на свое спасение», то этот вывод далеко не столь очевиден. Поскольку откуда нам знать (или откуда суд может знать), были ли у А деньги, чтобы заплатить, и откуда об этом знать самому Б — особенно если мы осознаем, что никто, кроме самого Б, не знает, каковы могут быть его психические издержки?

Далее вопрос о причинной связи может быть поставлен куда более остро. Процитированные Риццо слова Мизеса о том, что бездействие также является формой «действия», праксиологически верны, но нерелевантны для закона. Поскольку закон пытается обнаружить, кто (если вообще кто-либо) в данной ситуации выступил против личности или собственности другого — иными словами, кто покушался на собственность другого и, следовательно, подлежит наказанию. Бездействие может считаться действием в праксиологическом смысле, но это не приводит к разворачиванию цепи позитивных следствий, а значит не может быть актом агрессии. Таким образом, мудрость общего права подчеркивает коренное различие между правонарушением и бездействием, между неправомерной агрессией против чьих-то прав и невмешательством в дела этого человека². Дело *Vincent v. Lake Erie Transport* продемонстрировало великолепное решение, поскольку в этом случае суд сумел внимательно проанализировать действия случайного агента — в данном случае корабля, который явно врезался в док. В некотором смысле деликтное право может быть суммировано следующим образом: «Нет ответственности без вины, нет вины без ответственности». Исключительная значимость доктрины строгой ответственности Ричарда Эпштейна заключается в том, что она возвращает общее право к его изначальному строгому следованию принципу причинно-следственной связи, вины и ответственности, без современных обращений к идеям халатности и соображениям «псевдоэффективности».

В завершение я утверждаю, что мы не можем принимать решения в области государственной политики, деликтного законодательства, прав или ответственности, основываясь на идее эффективности или минимизации издержек. Но если не издержки и эффективность, то что же тогда? Ответ

¹ *Franklin M.A. Injuries and Remedies Mineola. N.Y.: Foundation Press, 1971. P. 401.*

² «Нет более глубоко укорененного в общем праве или более фундаментального различия, чем различие между правонарушением и бездействием, между активным преступлением, наносящим прямой вред другим, и пассивным бездействием, отказом предпринять позитивные шаги на пользу другим, или для защиты их от ущерба, не нанесенного каким-либо неправомерным действием обвиняемого» (*Bohlen F.H. The Moral Duty to Aid Others as a Basis of Tort Liability // University of Pennsylvania Law Review. 1908. Vol. 56. No 4. P. 219—221, цит. по: Evers W.M. The Law of Omissions and Neglect of Children // Journal of Libertarian Studies. 1978. Vol. 2. No 1).*

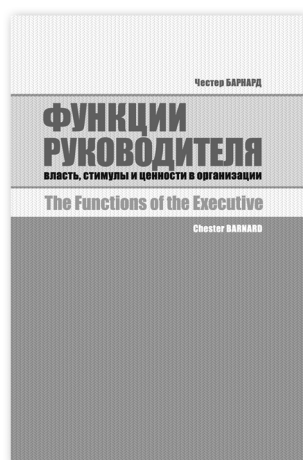
таков: критерием для принятия решений могут служить нам только *этические принципы*. Эффективность не может лежать в основании этики; напротив, этика должна быть мерилom и критерием всех соображений эффективности. Этика первична. В области закона и государственной политики, как мудро замечает Риццо, основным этическим соображением является понятие, которое «не смеет назваться своим именем», — понятие справедливости.

Одна группа людей неизбежно выступит против нашего вывода; конечно, речь идет об экономистах. Ведь в этой области экономисты издавна были вовлечены в то, что Джордж Стиглер в другом контексте назвал «интеллектуальным империализмом». Экономистам придется привыкать к мысли о том, что не вся наша жизнь полностью укладывается в рамки нашей собственной научной дисциплины. Урок, без сомнения, болезненный, но боль компенсируется пониманием того, что нашим душам было бы полезно осознать собственные пределы — и, возможно, им повезет узнать что-то об этике и справедливости.

Честер Барнард

ФУНКЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ

власть, стимулы и ценности в организации

Название этой книги и фамилия ее автора хорошо знакомы всем, кто в последние пятнадцать лет преподавал и изучал традиционный университетский курс менеджмента.

Идеи Барнарда лежат в основе большинства разделов теории организации: элементы организации и процесса управления; связующие процесса (коммуникации и принятие решений); функции управления; групповая динамика и руководство (власть, лидерство), корпоративная культура (роль руководителя в формировании ценностей организации).

Барнард впервые ввел понятия формальной и неформальной организации, представил организацию как сложную систему, состоящую из функциональных подсистем с собственными целями, разработал теорию власти и стимулов в организации, сформулировал базовые принципы организационных коммуникаций. И, как это нередко бывает, первоисточник намного более понятен, доступен и элегантен, чем громоздкие опусы многочисленных эпигонов.

Книга дает системное представление об управлении организацией как единым целым и подчеркивает роль и ответственность руководителя в формировании корпоративной культуры. Идеи Барнарда о сущности лидерства нашли отражение в работах многих его последователей.

Тем, кто впервые знакомится с теорией управления организацией, книга послужит прекрасным введением в основные разделы этой дисциплины, а тем, кто уже прослушал курс менеджмента, поможет свести полученные знания воедино — с точки зрения не просто рядового менеджера, а руководителя, отвечающего за работу всей организации.

В 2008 году исполнилось 70 лет первому изданию этой книги, но интерес к ней не ослабевает. Вниманию читателей предлагается перевод издания тридцать девятого тиража, напечатанного в 2002 году.

Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации. Челябинск: Социум, ИРИСЭН, 2009. 365 с. (Серия: «Актуальная классика менеджмента»).

Уважаемые читатели!

В редакции вы можете приобрести отдельные номера журнала «Экономическая политика» за 2006—2008 годы.

Все номера журнала имеются в наличии.

Цена 1 номера за 2006—2007 годы — 90 рублей.

Цена 1 номера за 2008 год — 180 рублей.

Выходящие в 2009 году номера можно приобрести в редакции.

Цена 1 номера за первое полугодие — 180 руб.

Цена 1 номера за второе полугодие — 250 руб.

Вы также можете подписаться на наш журнал по каталогу «Роспечать».

Индекс — 81184.

Справки по телефону: (495) 933-80-52

E-mail: ec_policy@anx.ru

Позиция авторов представленных в номере статей не всегда совпадает с позицией издателей журнала. Перепечатка, перевод, а также размещение материалов журнала «Экономическая политика» в Интернете только при согласовании с редакцией. При использовании материалов ссылка на журнал обязательна. Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами и читателями. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Издатель: АНО «Редакция журнала „Экономическая политика“».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77–25546.

Адрес редакции: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82.

Тел.: (495) 933–80–52. **E-mail:** ec_policy@anx.ru.

Индекс журнала в каталоге агентства «Роспечать» — 81184.

Над номером работали: Е. Антонова (научное редактирование), О. Федосова (литературное редактирование и корректура).

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ГОУ АНХ. 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82. Тираж 1300 экз. (1-й завод 800 экз.). Цена свободная.